

Г. Хильгер, А. Мейер

# РОССИЯ И ГЕРМАНИЯ СОЮЗНИКИ ИЛИ ВРАГИ?



Густав Хильгер

**Россия и Германия.  
Союзники или враги?**

«Центрполиграф»

## **Хильгер Г.**

Россия и Германия. Союзники или враги? / Г. Хильгер —  
«Центрполиграф»,

Отношения, связавшие Германию и Советский Союз перед началом Великой Отечественной войны, определили один из самых роковых этапов мировой истории. Это «затишье перед бурей» подверглось анализу огромного количества исследователей. Тем не менее историку Альфреду Мейеру в соавторстве с Густавом Хильгером, занимавшим в предвоенные годы пост советника немецкого посольства в Москве, удалось по-новому взглянуть на давно известные факты. Он не только детально проанализировал особенности нацистско-советского сотрудничества, но и смог пролить свет на идеи, мотивы поступков и общее мировоззрение человека из числа тех, кто серьезно повлиял на внешнеполитический курс Германии в 20-х и 30-х годах XX века. В книге представлены оригинальные и яркие концепции различных направлений, редкие архивные документы, ценные свидетельства очевидцев.

## Содержание

Предисловие	5
Глава 1	7
Посланник убит	7
Последствия	11
Семейное прошлое и ранний период жизни	15
Из Москвы в Берлин	20
Глава 2	27
Эвакуация военнопленных	27
Моя поездка в Москву и роспуск Совета рабочих и солдат	27
Проблема Совета рабочих и солдат	30
Нансен, Эйдук и Раковский	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

# Альфред Мейер, Густав Хильгер Россия и Германия. Союзники или враги?

## Предисловие

Занятие мемуарами стало неким искусством, в котором профессиональные социологи все чаще протягивают нам руку помощи. Один свежий пример, которому последовали авторы этой книги, – работа Генри Л. Стимсона и Мак-Джорджа Банди, которые совместно написали «На действительной службе в мире и в войне».

Цель такого совместного авторства – скомпоновать академические знания с личным опытом, чтобы придать историографии личностный оттенок и сделать мемуары максимально полезными для профессионального ученого. Авторы данной книги хотели решить двойную задачу – написание мемуаров, которые в то же время представляли бы историю германо-советских отношений.

Выгоды, извлекаемые ученым историком из продолжительных бесед с человеком, принимавшим участие в творении истории, очевидны, особенно если молодому ученому повезло работать сообща с таким всезнающим, обладающим изысканными манерами, энергичным и дружелюбным человеком, как Густав Хильгер.

В данном случае задача историка – играть роль второго «я» писателя мемуаров, задавать вопросы, высказывать сомнение, создавать рамки для повествования и снабжать вводной информацией, необходимой для превращения истории в единое целое. Историк-соавтор считал себя академической совестью Хильгера, чьей целью было тормозить его память, вытягивать информацию, которая тому могла показаться поначалу неуместной, заставить автора задумываться над проблемами и загадками, которые сами не приходили ему до этого на ум. И все это время он старался заставить Хильгера раскрыть самого себя, свои поступки, мотивы, идеи и общее мировоззрение, потому что Хильгер был представителем крайне важной группы среди тех людей, которые помогали вершить германскую международную политику в 20-х и 30-х годах.

Предпринятые в этом направлении усилия не могли не столкнуться с определенными трудностями. Есть предел, до которого человек будет свободно и дружески вести разговор, даже если он побуждаем академической совестью. Самые скрупулезные исследования документов и опубликованных отчетов не всегда позволяют ученому проверить рассказ своего соавтора на точность, поэтому искажения, пропуски и неточности неизбежно остаются. Помимо этого, есть некоторые мнения, происшествия и прочие вопросы, которые Хильгер из уважения ко многим своим друзьям решил не раскрывать, даже если иногда и считал, что вправе обсуждать их со своим соавтором. Такую скрытность, конечно, необходимо было уважать.

Несколько слов о процедуре, которой следовали в процессе написания этой книги. Авторы провели несколько месяцев, собирая и komponуя записи Хильгера, переписку и другое сырье для этих мемуаров, а также читая опубликованные материалы. Затем оба автора начали писать независимо друг от друга, посылая друг другу черновики для комментариев и критики. Сотрудничество по обе стороны книги было столь тесным, что было бы трудно распределить заслуги за любую из различных частей книги. В основном этот процесс был естественным: Хильгер отвечал за те разделы, где речь шла главным образом о личностях и личных вещах, в то время как разбор более широких и общих политических событий был отдан в основном его соавтору. Однако даже здесь последний заботился о том, чтобы представить эти масштабные проблемы так, как они виделись Хильгеру в то время; при этом целью соавтора было пока-

зять те соображения, которые лежали в основе германской иностранной политики в отношении Советского Союза. Книге суждено было стать обличительным автопортретом дипломата и его окружения. По этой причине авторы приняли решение вести повествование от первого лица. Отсутствие библиографии также вызвано желанием придать этой книге как можно более личный оттенок.

Эта работа не была бы опубликована без живого интереса и помощи большого числа людей. Благодаря настойчивым усилиям Джорджа Ф. Кеннана и Джона Гарднера из «Карнеги корпорейшн», Нью-Йорк, щедрый грант дал авторам возможность посвятить этой работе все свое время. Этот грант регулировался Российским исследовательским центром Гарвардского университета, который, в свою очередь, предоставлял огромные возможности и оказывал услуги. Мы глубоко благодарны профессору Клайду Клакхону, который прочел всю рукопись; Хелен В. Парсонс за ее энергичную помощь, которую она оказывала как руководитель канцелярии Российского исследовательского центра; и многим членам персонала Российского исследовательского центра, которые помогали своим мнением, предложениями и советами. Среди тех, кто прочел всю рукопись либо часть ее, находятся Е.Х. Кар, Фриц Т. Эпштейн, Алекс Эрлих, Карл Дж. Фридрих, Беррингтон Мур-младший и Кармель Оффи. Среди друзей Хильгера Пауль Шеффер и Мориц Шлезингер были особенно любезны в обсуждении рукописи и предложении ценных услуг. Мария Хильгер помогла исключить многие опечатки или неточности. Она проявила огромное терпение, когда ее мужа захватила работа над этой книгой, и была щедрой и любезной хозяйкой для его сотрудника. Майер перенесла многочисленные продолжительные периоды отсутствия своего мужа без жалоб и была для него постоянным источником силы и мужества.

Хотя эта работа стала возможной благодаря средствам, подаренным «Карнеги корпорейшн», Нью-Йорк, эту корпорацию не следует понимать как утверждающую инстанцию – на основании ее гранта – в отношении каких-либо сделанных заявлений либо взглядов, выраженных в этой книге.

А. Г. М

*Кембридж, Массачусетс*

## Глава 1 Прелюдия

### Посланник убит

Незадолго до пяти часов утра 22 июня 1941 года мы с Молотовым (настоящая фамилия Скрябин (1890–1986), из семьи приказчика, с 1906 года в рядах большевиков. С 1921 года – член ЦК, с 1926 – член политбюро. Ближайший соратник Сталина. – *Ред.*) в последний раз пожали друг другу руки и вместе с Фридрихом Вернером графом фон дер Шуленбургом я покинул Кремль, зная, что уже никогда вновь не войду в его древние ворота. Никогда не забуду вытянутое и усталое лицо Молотова, когда он обменивался с нами привычной вежливостью рукопожатия, изо всех сил стараясь скрыть внутренние эмоции. Я сам был до крайней степени встревожен мрачными предчувствиями. Это не было простым расставанием. Это был конец трудов всей моей жизни. Я понимал, что это был и конец Германии. Граф фон дер Шуленбург, германский посол, только что сделал формальное заявление советскому министру иностранных дел, объявив о гитлеровском вторжении в Россию.

Пока мы возвращались этим ранним утром обратно в посольство, я с жадностью впитывал виды моей родной Москвы, которую больше никогда не узрею. И, как и вошедший в поговорку утопающий, который в долю секунды видит всю свою жизнь, я вспоминал эпизод за эпизодом те пять десятилетий, которые провел, с небольшими перерывами, в этом восхитительном городе. Многие из домов, мимо которых мы проезжали, если б они могли говорить, рассказали бы истории о моей жизни, такой богатой переживаниями, человеческими контактами и волнением. Некая знакомая улица вернула мои мысли к утру одного дня, почти за двадцать три года до этого зловещего 22 июня 1941 года. Суббота 6 июля 1918 года была одним из тех ярких дней, которыми природа компенсирует жителей Москвы за короткую продолжительность северного лета; прошло восемь месяцев с Октябрьской революции 1917 года, в результате которой большевики захватили власть. Намереваясь провести выходные с женой и детьми на нашей даче в деревне, я уложил в чемодан некоторые принадлежности, покинул свою маленькую квартиру и был как раз на пути на станцию, как вдруг ко мне подбежал мой коллега, запыхавшийся и бледный, и сообщил, что только что убили нашего посланника в России.

Четыре месяца назад, 3 марта 1918 года, представители Германского рейха и Российской Советской Федеративной Социалистической Республики подписали мирный договор в Брест-Литовске, договор, который был продиктован близорукой убежденностью победителя в том, что выгоды, извлекаемые из него, будут большими, поскольку условия, налагаемые на побежденных, стали более суровыми. Однако Ленин чувствовал себя вынужденным принять эти условия; столкнувшись с серьезным сопротивлением даже внутри своей собственной партии, он утверждал, что большевистский режим нуждается в срочной передышке, во время которой он мог бы попытаться укрепить свои позиции в России.

Когда официальный представитель политики Брест-Литовска граф Мирбах-Харф прибыл в Москву 25 апреля 1918 года, советское правительство включало в себя такие личности, которые войдут в историю как выдающиеся. Это Ленин – бесспорный лидер большевистского движения; Троцкий (Троцкий – украденная (вместе с паспортом) фамилия русского дворянина Троцкого; настоящая фамилия – Бронштейн. – *Ред.*), имевший огромный дар околдовывать массы, хотя ему и недоставало способностей настоящего государственного деятеля; Чичерин, который своим острым диалектическим умом оказал неоценимую услугу советской иностранной политике, и многие другие выдающиеся личности. (По другим, более обоснованным оцен-

кам, это была компания «выдающихся дилетантов». – *Ред.*) И вот в качестве германского посланника им противостоял этот средненький дипломат, который мог быть дружелюбным, милым и ценным человеком, но у которого была лишь стандартная подготовка. Помимо этого Мирбах не привез с собой ничего, что могло бы сделать его пригодным для трудной задачи, ожидавшей его в Москве. Он не знал страны, где ему предстояло работать, не владел и русским языком, не был достаточно осведомлен о проблемах, которые привели к большевистской революции в России (либо сделали вклад в нее). Сегодня имя Мирбаха было бы малоизвестно, не выбери его судьба жертвой внутренних схваток, которые в то время бушевали в России между большевиками, только что пришедшими к власти, и левыми социалистами-революционерами, которые нацелили свои атаки на самое уязвимое место в ленинской политике – заключение мира в Брест-Литовске. Последние утверждали, что этот договор – предательство революции, а также позор для русского народа. Они полагали, что убийство германского посланника станет самым серьезным средством для вовлечения Советской республики в новую войну с Германией, отчего положение большевиков станет безнадежным. И в субботу, 6 июля 1918 года, они приступили к исполнению своего плана. (Есть мнение, что убийство Мирбаха было организовано ЧК Дзержинского с ведома Ленина – чтобы расправиться с левыми эсерами. Убийца Мирбаха Блюмкин позже был оправдан. С 1923 года работал в иностранном отделе ОГПУ. В 1929 году его расстреляли. – *Ред.*)

В то время германская миссия располагалась в тихом переулке московского Арбата. Роскошный дворец ранее принадлежал сахарному московскому магнату Бергу, но победоносные большевики объявили его собственностью победившего пролетариата. Весной 1918 года он был отдан германскому правительству под его дипломатическое представительство. По своим размерам и великолепию интерьера дворец Берга превосходил почти все дома такого рода, существовавшие в Москве, – такое утверждение многого стоит, потому что роскошь, которой окружали себя представители приобретающей вес буржуазии, вошла в поговорку. Еще с 90-х годов XIX столетия она далеко обошла по стилю жизни старое русское дворянство, которое уступило свое место «третьему сословию» промышленников и купцов после отмены крепостного права в 1861 году. Огромные богатства были сосредоточены в руках семей, владевших монополией на торговлю предметами потребления, пользовавшимся спросом у населения, составлявшего 170 миллионов человек (в 1914 году численность населения Российской империи составляла 180,6 млн; к концу войны в прежних границах выросла, видимо, до 190–195 млн. – *Ред.*); эти монополисты произвольно устанавливали цены на зерно, ткани, сахар, чай и т. д. Они открыто демонстрировали свою силу и богатство способом, который еще более, чем когда-либо, подчеркивал социальные противоречия, веками существовавшие в России.

Только что закончился обед, на который посланник ежедневно приглашал сотрудников своего персонала и других известных немцев, временно оказавшихся в Москве. Некоторые из гостей уже покинули дом, когда у главного входа в миссию двое мужчин позвонили в колокольчик. Они сказали открывшему им дверь лакею, что являются агентами ЧК – Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией – и что у них есть приказ обсудить лично с посланником некое дело огромной важности. Они предъявили удостоверения, подтверждающие их заявление и подписанные главой ЧК Феликсом Дзержинским, и их впустили. Удостоверения были поддельными. (Их объявили поддельными позже. – *Ред.*) Настоящими были только имена, под которыми их впустили в миссию, – Блюмкин и Андреев.

Этих двоих провели через вестибюль в приемную, стены которой были увешаны драгоценными гобеленами, а потом через огромный танцевальный зал – в гостиную. В ней – бесценные восточные ковры, стены затянуты малиновым шелком, тяжелые шторы с золотым шитьем, – короче говоря, эта комната могла бы быть подходящей для какого-нибудь восточного правителя. У стены противоположной окну позади стола стояла низкая софа, а сам стол с мраморной верхней частью и бронзовым орнаментом был настолько тяжел, что средний чело-

век не смог бы сдвинуть его с места. С короткой стороны стола стояло кресло, а сбоку от него – еще одно со спинкой, повернутой к окну.

Советник миссии Рицлер и помощник посланника лейтенант Мюллер встретили этих двоих и подвели их к столу. Блюмкин, должно быть, оценил ситуацию наметанным взглядом опытного террориста, потому что он сел в кресло напротив софы так, чтобы окно оказалось за его спиной. Посему немцам пришлось сесть на диванчик, чтобы оставить свободным кресло у короткой стороны стола для графа Мирбаха. Андреев, который до сего момента не отходил от Блюмкина, сел в кресло, стоявшее у большой двустворчатой двери, ведущей в танцевальный зал. С этой выгодной позиции он мог держать под контролем зал и держать под прицелом двери в гостиную и из нее. Танцевальный зал имел примерно двадцать метров в длину и семь метров в ширину. С богато украшенного потолка зала свисали две огромные люстры, имелись два окна, выходившие на улицу, которую от дома отделял маленький двор, огороженный высокой решеткой из кованого железа.

После того как Рицлер и Мюллер сели напротив чекистов и тем самым фактически утонули в мягких подушках дивана, Блюмкин не стал торопиться с рассказом о цели своего визита. Похоже, он дождался посланника, для которого, как он заявил, у него есть какое-то важное личное сообщение. А посланник все еще провожал своих последних гостей, но потом появился спустя несколько минут, очевидно заинтересованный в личном знакомстве с агентами Чрезвычайной комиссии. Мирбах вошел в комнату через большую дверь, подле которой сидел Андреев, и после короткого обмена приветствиями сел в свободное кресло слева от Блюмкина.

Блюмкин начал разговор, сообщив посланнику, что в одном из русских лагерей для военнопленных находится некий граф Мирбах, который, возможно, является родственником этого графа. Если это правда, заявил он, советское правительство с удовольствием освободит этого человека досрочно, стоит лишь посланнику выразить свое желание. Последний ответил, что данный военнопленный – очень дальний родственник из протестантской ветви семьи (сам он – католик). Тем не менее Мирбах был бы рад, если будет сделано все возможное для облегчения участи этого человека.

Затем Блюмкин заявил, что его руководство приказало ему проинформировать посланника о том, что ЧК раскрыла террористический заговор, имевший целью его убийство. Он принес, как он сказал, документы, из которых граф узнает подробности этого заговора и которые убедят его, что надо быть очень осторожным. Говоря эти слова, он сунул правую руку в свой портфель, выхватил оттуда револьвер, встал и с молниеносной быстротой произвел три выстрела, нацелив вначале оружие в посланника, а потом – в его двоих сотрудников. Все три выстрела были мимо. Никто из тех не был даже ранен.

Потом разгорелись споры, что произошло в последующие секунды. Как так могло случиться, что помощники графа не бросились на убийцу, стремясь разоружить его? Особенно яростные обвинения адресовались лейтенанту Мюллеру – этому гиганту ростом более 180 сантиметров. Потом, пытаясь разрешить эту проблему, я не раз пробовал восстановить ситуацию. Я сел на диван и обнаружил, что проникавший через окно свет слепил. Люди, сидевшие на диване, тонули в его мягких подушках. Кроме того, любая попытка сдвинуть стол, за которым забаррикадировались Рицлер и Мюллер, была бесполезна. Даже после ошеломляющего шока первых секунд помощники посланника были в невыгодном положении, потому что им не стало свободы движения.

При первом выстреле граф Мирбах вскочил. Он обежал Блюмкина сзади, пытаясь выскользнуть из комнаты, и уже понесся по залу, очевидно стремясь добраться до комнат в глубине дома, как Андреев, который до сих пор сидел не двигаясь у дверей, выстрелил ему

вдогонку из малокалиберного револьвера. Пуля вошла в затылок посланника и вышла через нос. Мирбах рухнул на месте и спустя несколько мгновений был мертв<sup>1</sup>.

Когда граф Мирбах упал, а резиденты этого дома, встревоженные выстрелом, бросились к нему на помощь, зал потряс взрыв, повредивший люстры и выбивший окна. Это убийцы бросили в зал две ручные гранаты (специальные бомбы, одна из которых не взорвалась. – Ред.), стремясь создать замешательство и обеспечить себе путь к бегству. Они выпрыгнули в окно, перебрались через чугунную решетку и умчались в поджидавшей их автомашине. Все произошло столь быстро, что немцы еще не успели прийти в себя, когда машина с террористами уже повернула за угол и исчезла в лабиринте московских улиц.

---

<sup>1</sup> Лужа крови, образовавшаяся в зале на полу из твердого дерева, превратилась в пятно, которое не удавалось удалить, несмотря на все усилия. Поэтому те, кто находились рядом с местом преступления в 1918 году, могли даже двадцать лет спустя указать точное место, на котором жертва испустила дух. Когда в 1924 году Италия признала советское правительство, этот дом был отдан под ее посольство, которое стало одним из центров общественной жизни московского дипломатического корпуса. И хотя я принимал там участие во многих празднествах в течение семнадцати лет, всегда ощущал это пятно на полу, по которому другие танцевали в блаженном неведении. (*Здесь и далее примеч. авт.*)

## Последствия

Убийство германского посланника было сигналом для восстания (фактически восстания не было, была имитация, провокация и зверское подавление «мятежников». – *Ред.*), устроенного следующей ночью партией левых социалистов-революционеров. До Брест-Литовска власть в Советском государстве делилась между большевиками и левыми социалистами-революционерами. После заключения мирного договора последние перешли в оппозицию, и ленинский режим их терпел; но их восстание положило конец терпению. В течение нескольких дней Москва находилась на осадном положении. Улицы патрулировались более бдительно, чем когда-либо, а всякий въезд в город и выезд из него был запрещен. В следующие две недели ЧК расстреляла около двухсот человек, хотя это убийство и восстание левых социалистов-революционеров были так тесно связаны, что невозможно различить, то ли эти расстрелы имели целью умиротворить немцев, то ли осуществлялись в наказание за мятеж.

Для большевиков ситуация была крайне тревожной. Им приходилось учитывать возможность того, что германское правительство воспользуется убийством своего дипломатического представителя в качестве предлога для нового объявления войны против Советской республики либо (по крайней мере) для возобновления политического и экономического давления. Ибо за четыре месяца своего существования Брест-Литовский договор еще не дал Германскому рейху всех тех выгод, на которые рассчитывало его правительство.

Поведение Ленина явно показывало, что он стремится успокоить Германию. Едва узнав об убийстве, он сразу же явился в миссию с выражением сочувствия от имени своего правительства и от себя лично. С ним были Яков Свердлов, который в качестве председателя Центрального исполнительного комитета возглавлял всю советскую иерархию и официально являлся главой государства; Лев Карахан, второй заместитель комиссара иностранных дел, и Бонч-Бруевич, секретарь Совета народных комиссаров (Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич, в 1917–1920 годах управлял делами Совета народных комиссаров. – *Ред.*), как тогда назывался советский кабинет министров. В резком контрасте с комиссаром иностранных дел Георгием Чичериным, первым советским официальным лицом, появившимся в миссии, Ленин был полностью собран и владел своими нервами. (Ленин прекрасно понимал, что немцы, которые завязли на Западном фронте, ничего большевикам не сделают – действительно, последнее германское наступление 15–17 июля 1918 года на Марне провалилось, после чего поражение Германии стало вопросом времени. – *Ред.*) С холодной вежливостью он выразил (по-немецки) сочувствие от себя и своего правительства Рицлеру.

Несмотря на политическую целесообразность, которую советские власти усматривали в исправлении последствий убийства, существовали определенные идеологические уступки, которые они не желали делать. Так, они упорно отказывались от посещения траурной церемонии у гроба покойного посланника. Чичерин также намекал на то, что некоторые ведущие соучастники преступления вроде ветерана-лидера фракции левых социалистов-революционеров Марии Спиридоновой сделали слишком много для революции, чтобы подвергать ее наказанию. Обмен нотами в отношении компенсации за убийство протянулся с самого ноября, так что вопрос так и остался нерешенным к тому времени, когда два правительства разорвали дипломатические отношения. Собственно говоря, германская неудовлетворенность советской непримиримостью в этом деле была одной из причин, ускоривших этот разрыв.

Прошло более тридцати лет после этих событий 1918 года. Но они все еще стоят перед моими глазами во всех своих подробностях. Тело дипломата предстояло доставить в Германию. Перед тем как процессия к железнодорожному вокзалу пришла в движение, все пришедшие более часа напрасно дожидались приезда народного комиссара иностранных дел Г.В. Чичерина, который твердо обещал появиться. Наконец кортеж тронулся в путь без него. За машиной

с гробом следовала вереница автомобилей с представителями многих гражданских и военных учреждений, которые Германия в ту пору имела в Москве. Похоронная процессия уже достигла широкого Новинского бульвара, когда появилась какая-то открытая машина, двигавшаяся в противоположном направлении. В ней сидел невзрачный тощий мужчина с острой рыжеватой бородкой и без шляпы. Заметив кортеж, он стал возбужденно жестикулировать, обращаясь к водителю. Потом мы увидели, что палец его правой руки был как-то бесформенно перевязан бинтом, давным-давно не менявшимся, что можно было заметить даже на приличном расстоянии. Вероятно, народному комиссару было весьма неудобно так опаздывать. После того как его автомашина присоединилась к процессии, я то и дело посматривал на Чичерина по пути на вокзал. Его сутулая фигура и несчастный вид были чем-то вроде воплощения отчаянного положения, в котором находилась Советская республика в те дни.

Убийство германского посланника стало сигналом для мятежа, организованного следующей ночью левыми социалистами-революционерами. (Официальная большевистская версия. – *Ред.*) До Брест-Литовска большевики делили власть в Советском государстве с левыми социалистами-революционерами. После заключения мирного договора последние ушли в оппозицию и терпелись до поры до времени ленинским режимом; их мятеж (а точнее, провокация ЧК. – *Ред.*) положил конец этому терпению. Несколько дней Москва находилась на осадном положении. Ее улицы патрулировались бдительнее, чем когда бы то ни было, и всякий выезд из города и въезд в него были запрещены. И в эти выходные дни для меня не было возможности поехать на нашу дачу! В течение следующих двух недель около двухсот человек было расстреляно ЧК, хотя это убийство и мятеж были так тесно связаны, что было невозможно отличить, то ли эти расстрелы имели цель умиротворить немцев после убийства посланника, то ли осуществлялись в наказание за мятеж (то ли «подвели черту» под ненужными теперь одураченными «попутчиками» по революции. – *Ред.*)

Для большевиков ситуация была очень тревожной. Им приходилось считаться с возможностью того, что германское правительство воспользуется убийством своего дипломатического представителя в качестве предлога для нового объявления войны... (Не было никакой тревоги – см. примечания ранее. – *Ред.*)

Восстание, разразившееся в ночь с 6 на 7 июля, явилось серьезным испытанием для молодого Советского государства. Мятежники ранее обеспечили для себя ряд ключевых позиций в ЧК. Они арестовали Дзержинского, который проявил незаурядное личное мужество, отправившись в штаб левых эсеров, где его продержали ночь в качестве пленника (сейчас, когда открылись секретные документы, вырисовывается иная картина – Дзержинский сделал вид, что его арестовали. – *Ред.*). Сам Ленин едва смог избежать той же участи. (Из области сказочек. Ленин, отлично обо всем осведомленный, был весел и шутил: «Что делать с ними? Отправить в больницу для душевнобольных? Дать Марии Спиридоновой бром? Что делать с этими ребятами?» – *Ред.*) Но у мятежников было недостаточно сил, а организация действий была слишком плоха, чтобы устоять перед большевиками. Фанатизм эсеровских террористов не мог сравниться с решимостью партии, только что захватившей власть в России.

Этот мятеж левых эсеров стал самой организованной и спланированной (в ЧК. – *Ред.*) попыткой из всех, когда-либо предпринимавшихся для свержения коммунистического режима изнутри. Условия для успеха казались самыми благоприятными. Был выбран момент, когда власть еще не успела консолидироваться в нечто похожее на монолитный тоталитаризм нынешнего режима. Кроме того, в то время подрывная деятельность в Советской республике все еще поддерживалась с помощью денег и агентов иностранных посольств, в основном враждебных друг другу, но единых в своей оппозиции режиму. Несмотря на эти благоприятные обстоятельства, восстание ожидал полный провал, подтверждая тем самым хорошо известный аргумент, что никакая революция не способна свергнуть современный тоталитарный режим изнутри. Не имея шансов на успех, сегодня при таком режиме невозможно вообще начать какое-либо

подрывное движение (то, что произошло с СССР, опровергает это утверждение – совместные усилия верхушки партии, КГБ и других привели к его ликвидации. – *Ред.*).

Тем не менее замешательство, вызванное убийством Мирбаха и мятежом, позволило двум убийцам бежать из Москвы той же ночью и тем самым ускользнуть от задержания и возможной казни. Поэтому, если им и удалось избежать наказания, на котором продолжало настаивать германское правительство, советское правительство нельзя было обвинить в отсутствии стремления удовлетворить это требование. Напротив, по иронии судьбы убийцы нашли убежище не в той части России, которая находилась под властью большевиков, а на Украине, в зоне германской оккупации. (Академия Генерального штаба РККА, на восточное отделение которой в сентябре 1920 года Блюмкин был зачислен по направлению Наркоминдела. – *Ред.*) Их последующая судьба известна. Андреев пал жертвой эпидемии тифа, свирепствовавшего на Украине в 1919 году. После разгрома Германии Блюмкин воспользовался амнистией, которую объявило советское правительство. В 1920 году он уже опять был в Москве в качестве слушателя Военной академии Красной армии. В свободное время он публично разглагольствовал, что якобы убил графа Мирбаха. Поскольку его сообщника уже не было в живых, никто в конце концов не мог оспаривать его «славу».

Я известил барона фон Мальцана, бывшего в то время главой Русского отдела германского министерства иностранных дел, о поведении Блюмкина, но избрал форму личного письма, чтобы дать ему возможность воздержаться от каких-либо официальных шагов, если он посчитает, что это будет более уместно. Барон ответил, что решил не заявлять никаких протестов против действий Блюмкина, чтобы не повредить советско-германскому сближению, которое было тогда в своей начальной стадии. Из-за такого мягкого отношения Блюмкин оставался в Москве еще в течение многих лет. Одним из наиболее часто посещаемых им мест был Клуб литературы и искусства, в который тогдашний народный комиссар просвещения А.В. Луначарский обычно приглашал известных иностранцев. Представьте себе ужас и беспомощность какого-то германского политика, которому Луначарский однажды показал на Блюмкина, задав при этом бестактный вопрос: «Не хотели бы вы встретиться с человеком, который застрелил вашего посланника?»<sup>2</sup>

Успех большевиков в подавлении восстания левых эсеров, а также нерешительное поведение германского правительства после гибели посланника способствовали укреплению уверенности советского правительства в себе и в своих силах. Кроме того, оно искренне верило, что и так уже достаточно компенсировало ущерб своим выражением сочувствия и выплатой некоторой суммы. А посему немецкому правительству было отказано в его просьбе разместить батальон немецких войск (этот батальон, сформированный из офицеров и унтер-офицеров, можно было легко развернуть в дивизию, используя немецких военнопленных. – *Ред.*) в Москве для защиты его миссии. Оно боялось, что немецкие вооруженные части в Москве смогут свергнуть большевистский режим; с другой стороны, советские власти чувствовали, что у Германии уже недостаточно сил, чтобы настоять на выполнении своего требования (немцы развернули свое последнее решительное наступление на Марне, 15–17 июля, которое провалилось. – *Ред.*).

И они верно оценили ситуацию. Германские власти отказались от своего требования, по крайней мере на данный момент, и назначили преемником Мирбаха Карла Гельфериха – хорошо известного политика и финансиста. Впоследствии, в первые годы Веймарской республики, Гельферих стал выдающимся и откровенным членом крайне правой националистской партии, которая не смирилась с поражением Германии и крушением монархии. Говорят, его

---

<sup>2</sup> В 1929 году Блюмкин беспечно навесил Троцкого, находившегося тогда в изгнании. За это он поплатился своей жизнью после возвращения в Советский Союз. (Блюмкин взялся доставить несколько писем Троцкого его сподвижникам, был арестован (по доносу Радека) и расстрелян «за повторную измену делу пролетарской революции и советской власти и за измену чекистской армии». – *Ред.*)

яростные нападки на международную политику Германии в стенах рейхстага стали сигналом к убийству тогдашнего министра иностранных дел Вальтера Ратенау.

Новый посланник прибыл в Москву в конце июля 1918 года. Его беседы с представителями советского правительства скоро убедили Гельфериха, что оно и не желает, и не в состоянии выполнить условия, навязанные советским властям в Брест-Литовске, нацеленные на то, чтобы облегчить Германии ведение войны на Западе. Более того, посланник и его окружение жили в постоянном страхе, что те силы, что убрали его предшественника, все еще действуют и могут вновь попробовать найти какую-нибудь жертву. В опубликованных в декабре 1921 года воспоминаниях Гельфериха рассказывается, что за время пребывания в Москве он лишь один раз покинул свой дворец Берга. Убежденный, что советский режим скоро падет, он вовсе не был в восторге оттого, что должен находиться столь опасно близко от сцены, где нависала политическая катастрофа. А поэтому Гельферих покинул Москву по своей собственной инициативе, пробыв в ней всего лишь десять дней. Его бегство из Москвы являлось нарушением дисциплины, совершенно необычным в истории дипломатии; и оно так и рассматривалось в министерстве иностранных дел<sup>3</sup>.

На мои личные дела внезапный отъезд Гельфериха повлиял в том плане, что это вынудило меня срочно отправить из России свою жену вместе с детьми. Я отчетливо представлял себе, как большевистский террор в сочетании с голодом и всеобщей нищетой скоро сделает жизнь в России невыносимой. Но самому мне пришлось еще в течение трех месяцев оставаться в Москве. Опыт, который я приобрел за эти три месяца, впоследствии оказался для меня очень полезным. Но перед тем как я расскажу об этом, позвольте мне представиться читателю, дав ему короткую зарисовку моего семейного прошлого и более раннего периода жизни.

---

<sup>3</sup> Мне это рассказал адмирал Пауль фон Хинце, когда он приезжал в Москву в 1922 году. Фон Хинце, в свое время германский военный представитель при дворе царя Николая II, в тот период был заинтересован в должности посла, вакантной после подписания договора в Рапалло.

## Семейное прошлое и ранний период жизни

Я родился в 1886 году в Москве и здесь же получил начальное и среднее образование. Мои родители были немцами, принадлежавшими к обширной колонии западноевропейских деловых людей и специалистов, которые в России нашли для себя второй дом. В каждом крупном городе, особенно в Санкт-Петербурге и Москве, была такая колония зажиточных и высокоуважаемых иностранцев, которые жили в мирном соперничестве друг с другом, сохраняя свои языки и обычаи в собственных церквях и школах.

Предки мои основали процветающее экспортное дело в городе Ремшайде в Рейнской области. Самого моего отца послали управлять отделением фирмы в Москве. По материнской линии я могу проследить свою семейную родословную до конца XVII века, когда предки моей матери были процветающими фабрикантами в Эльберфельде. Бродячий французский ремесленник раскрыл им секрет красителя из сушеного корня марены из Франции, и их фабрика являлась ценным прибавлением к текстильным предприятиям Эльберфельда. Экономический кризис 1830-х годов вынудил моего прадедушку перенести эту фабрику в места возле Москвы, на реку Клязьму, воды которой, как говорили, исключительно подходили для процесса крашения. Там дед моей матери и его потомки, которым удалось развить красильную мастерскую в крупное текстильное предприятие, накопили значительное состояние. Российская революция все это отобрала, а мои родственники разбрелись беженцами по всему свету.

После окончания в 1903 году одной из немецких средних школ в Москве я уехал в Германию, где получил диплом инженера в Дармштадтском техническом университете. Последующие два года я работал инженером-машиностроителем в Верхней Силезии. Я только успел настроиться на то, чтобы последовать совету отца и отправиться в Америку, где на крупном заводе по производству сельскохозяйственного инвентаря для меня имелась вакансия, как получил предложение вернуться в Россию, чтобы работать на большой мебельной фабрике, принадлежавшей одному немцу русского происхождения, ставшему впоследствии моим тестем. Поэтому в 1910 году я возвратился в страну своего рождения и стал работать в этой «Российской Crane Company», быстро поднимаясь на все более ответственные должности. В 1921 году я взял в жены верную спутницу, которой посвящаю эту книгу. Она активно делила со мной все переживания, описанные на этих страницах.

В годы, предшествовавшие Первой мировой войне, я объездил старую Российскую империю вдоль и поперек и очень близко познакомился с ней. С самой ранней юности я знал русский язык и был знаком с обычаями и образом жизни населения России. После того как весной 1939 года я представил Гитлеру пространный доклад, фюрер, как говорили, заметил, что считает меня наполовину русским<sup>4</sup>.

В нашем доме немецкое влияние действительно преобладало, потому что мой отец был не только формально гражданином рейха, но и очень гордился своим немецким происхождением и стремился привить эту гордость и мне. Он отправил меня учиться в одну из лучших немецких средних школ в Москве. Но даже в этой школе многие из моих одноклассников были сыновьями российского дворянства и буржуазии, а учителя и студенты носили форму, выделявшую их как членов централизованной царской школьной системы. Всякий, кто знает о формирующем влиянии преподавания истории в средней школе на восприятие подростком элементов культуры, поймет, почему я фактически по своей культуре частично русский. Хотя в немецкой школе, которую я посещал, мировая история преподавалась на немецком языке,

---

<sup>4</sup> Возможно, он думал, что мое квадратное лицо с высокими скулами, которые часто можно наблюдать в Голландии и Северо-Западной Германии, является типично русским. А может быть, он был озадачен моим забавным диалектом, который выразился в том, что я говорил по-немецки как выходец Рейнской области, но «р» произносил как русский.

русская история, которую нам преподносили по официальным учебникам царского режима, более живо запечатлелась в моей памяти. Древняя Киевская Русь, Иван Грозный и Пугачев – для меня это более реальные и знакомые образы, нежели Священная Римская империя, Карл V или Крестьянская война в Германии. А русские классики Грибоедов, Пушкин, Гоголь, Толстой и многие другие мне, по крайней мере, так же знакомы, как и Гете, Гейне или Шиллер. Оглядываясь назад на годы своего становления, я четко понимаю, что в силу временных влияний я иногда разрывался между русской и немецкой культурой. В конечном итоге возобладало немецкое влияние; но не будет ошибкой утверждать, что у меня всегда было два отечества – как Германия, так и Россия. Я привязан к обеим странам душой и по обеим тоскую.

Начало войны и потом революция с национализацией частной собственности и политическим террором резко оборвали узы, связывавшие членов иностранных колоний в России. Правда, советское правительство временно пользовалось услугами многочисленных американских и немецких специалистов в 30-х годах; но очень немногие из этих специалистов пустили корни в Советском Союзе не только из-за скрытой ксенофобии этого режима, но также и потому, что советские представления о человеческом достоинстве, морали и свободе оставались чуждыми для большинства представителей Запада.

В августе 1914 года в самом начале войны я стал жертвой шпиономании, впоследствии охватившей все воюющие страны. Поскольку перед войной я по делам побывал в Германии, меня арестовали по подозрению в шпионаже и выдаче русских военных секретов. Хотя моя фирма сумела предоставить доказательства абсурдности таких обвинений, меня некоторое время продержали в одиночном заключении. И моя молодая и храбрая жена решила лично пойти к страшному начальнику царской тайной полиции в Москве полковнику Мартынову. Так как этот господин для простых смертных был недоступен, она обратилась к московскому начальнику барону Будбергу, чья дочь была ее подругой. Но даже Будберг не смог сделать большего, чем дать моей жене свою визитную карточку вместе с советом, как ее можно лучше всего использовать.

Вооруженная этой карточкой и золотым червонцем, моя жена пришла к дому охранки – достойного, но сравнительно более мягкого и неэффективного предшественника большевистской ЧК. Золотая монета помогла подкупить привратника, который в противном случае просто не взял бы визитную карточку шефа полиции от незнакомой женщины. Спустя несколько секунд моя жена оказалась перед очами полковника Мартынова, который, очевидно, не хотел заставлять начальника полиции ждать в приемной. Когда вместо него он увидел мою жену, он подумал, что она, должно быть, террористка, намеревающаяся лишить его жизни. Поэтому он принял меры предосторожности, вскинув обе руки вверх, а моя жена сделала то же самое, повторив его жест. Когда таким образом взаимное доверие было восстановлено, завязался разговор, который начался с замечания Мартынова, что он мог бы расстрелять меня в двадцать четыре часа. После соответствующей бурной реакции со стороны моей жены беседа закончилась обещанием, что меня отправят в ссылку в одну из отдаленных провинций России. Поэтому у меня была возможность знакомиться в течение двух месяцев с российскими тюрьмами и их заключенными, а также сделать ряд других наблюдений и приобрести опыт, расширивший мое знание страны и ее народа. Я нашел подтверждение многому из того, что я знал ранее лишь по книгам Толстого, Достоевского и других. Психология заключенных российских тюрем, а также отношение населения к ним определялось тем фактом, что русский народ веками жил «в узде», в условиях принуждения и самодержавия (типично западный, германский взгляд на русских. По-настоящему «в узде» жил человек на Западе (отсюда совершенно другое, чем у русских, отношение к законам). У русского человека были варианты, которых в Европе давно уже быть не могло: Дон, Сибирь, в разбойники и т. д. За два месяца русский коренной народ немцу не понять. – *Ред.*), отчего и родилась идея, что тюрьмы – это возведение в закон человеческих пороков, а их заключенные – жертвы людской несправедливости. Таков менталитет народа, и

поэтому священник русской православной церкви включал в свои молитвы «всех заключенных, томящихся в тюрьмах». А по воскресеньям после посещения церкви набожные, добродетельные купчихи в российских провинциальных городах давали заключенным местных тюрем свежее испеченный белый хлеб. Во время моего пребывания в вологодской тюрьме в сентябре 1914 года я также с благодарностью принимал такие прибавки к моему скудному рациону.

Если бы двадцать пять лет назад у меня были время и возможность рассказать о моем тюремном заключении в России, я бы, вероятно, не пощадил читателя и рассказал бы о камерах, кишасших клопами и вшами, камерах, в которые временами набивали в два-три раза больше осужденных, чем позволяли размеры. Я бы, может быть, заставил читателя сопровождать меня на тюремном транспорте из Москвы через Вологду до Вятки, потом обратно до Вологды и, наконец, в селение на берегу реки Сухоны. Я бы описал, как десятки заключенных были вынуждены обходиться одним котелком; как лишь с огромным трудом мне удалось избежать того, чтобы быть прикованным к какому-то русскому, осужденному за умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах; или об отвратительных сценах, свидетелем которых я был в течение ночи в тесной каюте маленького речного парохода, потому что заключенные женщины, как и мужчины, были отданы во власть мужской охране; или, наконец, как депортированные после отбытия своего срока заключения в местах заключения были оставлены на произвол судьбы, хотя у них не было ни денег, ни крова. It is not only the passing of time<sup>5</sup>, которое заставляет бледнеть эти мучительные переживания, но также и печальное и отвратительное осознание того, что с тех пор преступления против человечества были совершены по всей Европе, оставив далеко позади эти грехи старой России<sup>6</sup>.

Большинство интернированных в России немецких гражданских лиц находились в ужасных условиях, отчего естественным долгом для тех, кто был в лучшей ситуации, стало оказывать своим соотечественникам максимально возможную помощь. Вначале, до того как была организована помощь американского генерального консульства, я для помощи коллегам-интернированным обычно использовал свои ресурсы; и последующие три с четвертью года моего интернирования я посвящал свое время и труд делу помощи своим сотоварищам по ссылке, не представляя себе тогда, что моя деятельность окажет решающее влияние на всю мою последующую карьеру.

Несколько тысяч гражданских интернированных немцев во время Первой мировой войны были расселены по небольшим городам и деревням Вологодской губернии. Эта губерния была такой же по площади, как сегодняшняя Франция (551 тыс. кв. км. – Ред.), или примерно того же размера, что и штаты Калифорния (410 тыс. кв. км – Ред.) и Арканзас (138,1 тыс. кв. км – Ред.). Уезд, в котором я жил, был примерно такой же площади, как Бельгия (30,5 тыс. кв. км. – Ред.), или примерно в половину штата Западная Виргиния (62,6 тыс. кв. км. – Ред.). Но в нем был только один город с 3 тысячами жителей. В радиусе 100 километров имелся только один врач. В других уездах Вологодской губернии были города, расположенные в 800 километрах от ближайшей железнодорожной станции.

В то время радиосвязи практически не существовало; телефон еще не проник достаточно далеко в глубь России, чтобы достичь нашей губернии; а весной и осенью дороги временами были непроходимы. И тем более удивительным было то, как быстро и надежно доходили до нас новости о том, что происходит в мире (телеграф работал. – Ред.). Столь же важным был факт, что правящая рука царской бюрократии дотягивалась до самых отдаленных уголков огромной

---

<sup>5</sup> Это не только течение времени (англ.). (Примеч. ред.)

<sup>6</sup> Эти размышления о времени моего заключения в отдаленной части Вологодской губернии дают мне желательную возможность вспомнить исключительную заботу, которую проявляло Генеральное консульство Соединенных Штатов в Петрограде в отношении немцев, интернированных в России. В начальные годы войны Соединенные Штаты обязались защищать германские интересы в России. Если эти строки каким-либо случайным образом попадут на глаза г-ну Филипу Чедберну, я надеюсь, он увидит, что те, кто воспользовался его помощью, все еще вспоминают ее с благодарностью почти через сорок лет.

страны. Даже в те годы от нее нельзя было убежать. Легенды о каких-то поселениях в России или Сибири, в которых Первая мировая война не оставила никаких следов, не выдерживают серьезной критики. Они относятся к области сенсационных выдумок. Например, местная полиция, надзиравшая за интернированными, владела полной и точной информацией о каждом из нас. Было удивительно наблюдать, как быстро там узнавали о побегах; и проходило минимальное время до того, как репрессивные меры, объявленные властями в Санкт-Петербурге, стали чувствоваться и в нашем поселении в нескольких сотнях километров от ближайшей железнодорожной станции.

Когда в 1917 году царская империя рухнула и революция привела к захвату большевиками власти, главные события происходили в Петрограде и в Москве. Но в отдаленных уголках страны революционные события в столицах отражались в процессах, в ходе которых различные общественные и политические элементы среди населения успешно играли свои роли. В качестве местного уполномоченного Генерального консульства Соединенных Штатов, представлявшего интересы немецких гражданских интернированных, я имел контакты с царскими уездными и полицейскими чиновниками до марта 1917 года. После отречения царя их заменили поначалу буржуазно-либеральные представители местной земской администрации. За ними последовали социалисты. Наконец, после Октябрьской революции местная власть в нашем небольшом городке была представлена отъявленным бездельником, который демонстрировал свое пролетарское классовое сознание тем, что встретил меня босиком и в невообразимо рваной одежде. Вряд ли надо упоминать, как трудно было объяснить таким людям и в такое время потрясений физические и духовные потребности интернированных.

Многочисленные немецкие заключенные, как военные, так и гражданские, пользовались хаосом, созданным революцией. Законно либо нелегально они покидали места своей ссылки и уезжали в западном направлении, чтобы оказаться поближе к дому на случай, если закончится война. С помощью своей жены, которая вернулась в Москву тремя месяцами раньше, я получил официальное разрешение покинуть Вологодскую губернию и в начале 1918 года опять оказался в Москве.

После того как Соединенные Штаты вступили в войну (6 апреля 1917 года. – *Ред.*), обязанности по защите германских интересов взяло на себя Генеральное консульство Швеции. Огромные массы военнопленных, скопившихся в Москве, доставляли шведам немало хлопот. Учитывая это, гуманитарный энтузиазм и сознательность, с которыми они подходили к своей задаче, были выше всяких похвал. Особенную признательность заслуживает деятельность представителей Шведского Красного Креста, которые заработали прочную и добрую репутацию своими поездками в лагеря для военнопленных в восточной части Европейской России и Сибири. Дочь шведского посланника в Петрограде, покойная Эльза Брандстрем, вошла в анналы того времени как светлый символ истинного гуманизма. Слава, которую завоевал этот «ангел Сибири» среди тех, кто пользовался ее заботой, сопровождала ее многие годы спустя уже после переезда в новую избранную ею страну – Соединенные Штаты.

С помощью шведских консульских чиновников и несмотря на сопротивление, оказываемое большевистскими властями, которые рассматривали такую помощь как вмешательство в их дела, в январе 1918 года в Москве были устроены первые дома для военнопленных. В этой работе я отдал себя в распоряжение шведов. С помощью таких заведений в России были созданы основы для систематической защиты немецких военных и гражданских заключенных еще до того, как в Россию прибыло германское дипломатическое представительство и многочисленные комиссии по оказанию помощи, которые были распределены по стране. Эти комиссии по оказанию помощи, присланные после заключения Брест-Литовского договора, подчинялись Главной комиссии в Москве, которая, в свою очередь, была подотчетна прусскому военному министерству и Германскому Красному Кресту. Принимая во внимание мой предыдущий опыт деятельности по оказанию помощи военнопленным, оба этих учреждения наняли

меня для работы в Главной комиссии в Москве. Вот почему я стал свидетелем событий, описанных в предыдущих разделах книги.

## Из Москвы в Берлин

Моей обязанностью в Главной комиссии по оказанию помощи военнопленным был контроль и руководство всей работой по эвакуации, которая с каждым месяцем становилась все труднее и труднее. Советские власти все меньше и меньше сотрудничали с нами, когда осознали неминуемое крушение имперских властей.

(Это стало ясно уже после провала последнего германского наступления на Марне 15–17 июля. – *Ред.*) Приближение зимы с ее тяготами и растущая нехватка средств транспорта увеличивали трудности. На железнодорожных станциях по периферии Москвы, работая весь день, а зачастую и до глубокой ночи, я был вынужден использовать всю свою решимость и силу убеждения, чтобы получить вагоны и локомотивы либо не допустить произвольного обыска и разграбления личных вещей военнопленных. Возвращение домой по неосвещенным улицам Москвы после рабочего дня таило постоянную опасность, потому что то и дело слышались винтовочные и пистолетные выстрелы, происхождение и цели которых оставались весьма темными<sup>7</sup>.

Террористические акты, совершаемые левыми эсерами, обретали все большие размеры. В Петрограде один за другим были убиты два высокопоставленных чиновника большевиков – Володарский и Урицкий (в свете современных исследований выясняется, что Володарского (Гольдштейна) прикончили с ведома Урицкого и Зиновьева (Радомысльского) (см., например: *Коняев Н.* Трагедия ленинской гвардии. С. 234–244). – *Ред.*), а Ленин едва избежал такой же участи. Со стороны большевистского руководства был объявлен так называемый красный террор, который начался со всей яростью после покушения на жизнь Ленина 30 августа 1918 года (в Ленина, по официальной версии, стреляла полуслепая еврейка Фанни Ройдман (Каплан), которая после неудачи была быстренько допрошена, расстреляна и сожжена в железной бочке в Александровском саду. Покушение весьма напоминает убийство Володарского, и без Дзержинского и Свердлова дело явно не обошлось. – *Ред.*) В списки его жертв, публиковавшиеся в то время большевиками, попало совсем немного людей, которых я знал лично.

Все это время отношения между Германским рейхом и Советской Россией становились все более напряженными. В первые месяцы после заключения мирного договора и возобновления дипломатических отношений советское правительство в немалой степени демонстрировало добрую волю. Но его готовность выполнять условия сурового договора непрерывно уменьшалась в прямой пропорции с приближением разгрома Германии на Западном фронте. С самого начала стратегия советского правительства имела целью выиграть время для передышки и накопления сил. Однако этот период близился к концу, потому что контрреволюционное движение, возглавляемое бывшими царскими генералами, охватывало все большие территории России (автор ничего не говорит о массовых восстаниях крестьян, а также бунтах рабочих. – *Ред.*). Начиналась гражданская война.

В свою очередь, отношение Германии к Советской республике было весьма противоречивым, если не сказать больше. Продолжавшееся поддержание дипломатических связей с большевистским режимом было всего лишь удобной фикцией. В то же самое время противники режима получали активную поддержку от многочисленных германских учреждений, находившихся в то время в Москве, а большевистские элементы на Украине систематически преследовались и уничтожались германскими оккупационными войсками. Политическая напряженность на Украине, усугублявшаяся оккупацией, достигла критической стадии с убийством

---

<sup>7</sup> Вспоминая о проблемах, которые нам приходилось преодолевать, не могу не упомянуть моего доброго друга и верного коллегу Карла Геминга, чья энергия, бдительность и бескорыстие больше, чем что-либо еще, помогали нам в преодолении всех препятствий.

командовавшего здесь германскими войсками фельдмаршала Германа фон Эйхгорна 30 июля 1918 года. Он также стал жертвой террора левых эсеров. Убийцу позднее задержали, судили, и он был приговорен советским режимом к смертной казни.

Германская позиция неопределенности в отношении Москвы выразилась в решении вскоре после отъезда Гельфериха перевести посольство из Москвы в Псков. Это было равносильно роспуску посольства, потому что Псков находился на территории, оккупированной германской армией. И все-таки, поскольку немцы хотели сохранить по крайней мере видимость продолжающихся дипломатических отношений, исполнение дипломатических функций было доверено германскому генеральному консулу в Москве Гаушильду. Но как бы ни была высока личная порядочность Гаушильда, он не подходил для такого рода деятельности, какого требовала ситуация. В то же время, по крайней мере, сомнительно, смог бы это сделать любой другой немецкий представитель в этой стране, принимая во внимание надвигающийся крах Германии на Западе и дерзость, до которой доходил большевистский партнер в своем пренебрежении к условиям мирного договора (значительную часть условий мирного договора большевики выполнили, надолго отсрочив поражение Германии и ее союзников. – *Ред.*).

Что вызывало в Берлине наибольшую тревогу, так это все учащающиеся попытки Москвы вмешаться во внутренние дела Германии. Одновременно с открытием германского посольства в Москве в апреле 1918 года Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика (РСФСР) учредила свое собственное дипломатическое представительство в Берлине. Тем самым большевики получили беспрецедентную возможность вмешиваться во внутривнутриполитические дела другой страны – под прикрытием дипломатического иммунитета, распространяя коммунистические пропагандистские материалы. В советское представительство официальной дипломатической почтой можно было посылать деньги. Таким образом, германские органы безопасности столкнулись с проблемой, у которой еще не было прецедента, и это парализовало их на месяцы<sup>8</sup>.

Лишь в конце осени 1918 года, когда злоупотребление дипломатическим иммунитетом стало уж слишком очевидным, германские власти решили положить конец такому положению дел, даже если это могло означать разрыв дипломатических отношений. В то время германское правительство ни в коем случае не рассматривало непрерывные связи с советским правительством как политически полезные; напротив. Во внутренней политике все связи с большевиками были крайне опасны, а в международной политике также они все более и более рассматривались как обязанность. Поняв, что германская армия разбита, а война проиграна, творцы политики в Берлине стали изыскивать средства для обеспечения снисходительного мира с союзниками на Западе, и разрыв отношений с российским большевизмом мог бы явиться попыткой завоевать их расположение. Агитация за «мир с пониманием» с Западом при условии, что Германия будет с ним сотрудничать в борьбе против большевизма, – это следствие одной из многих идей и предложений, с которыми стали лихорадочно выступать германские генералы, политики и журналисты. В то же время генерал Макс Гофман, похоже, начал раздумывать над планом решающего наступления на Петроград. Как Карл Радек (насто-

---

<sup>8</sup> Дипломатическим представителем, посланным советским правительством в Берлин, был Адольф Иоффе. Выходец из зажиточной еврейской семьи, жившей в Крыму, он отдал большевистской партии все свое наследство. Он был высокообразованным человеком, а его безупречные и тактичные манеры выгодно отличали его от среднего партийца. Будучи личным другом и политическим единомышленником Троцкого, он пал бы жертвой репрессий, если бы не покончил с собой в 1927 году из-за болезни и разочарования в жизни. (Граф Оттокар Чернин, министр иностранных дел Австро-Венгрии, который вел с Иоффе переговоры в Брест-Литовске, так охарактеризовал его взгляды: «Вся его теория основывается на том, что надо ввести во всем мире самоопределение народов на возможно более широкой основе и затем побудить эти освобожденные народы взаимно полюбить друг друга. Что это прежде всего приведет к гражданской войне во всем мире, г-н Иоффе не отрицает, но полагает, что такая война осуществит идеалы человечества – война справедливая и оправдывающаяся своей целью. Я ограничился тем, что указал г-ну Иоффе, что надо было бы раньше на России доказать, что большевизм начинает новую счастливую эпоху, и лишь затем завоевывать мир своими силами...» (*Архив Русской революции*. М., 1991. Т. 2. С. 136–137). – *Ред.*)

ящая фамилия Собельсон (1885–1939), один из ближайших сподвижников Ленина, идеологов и практиков мировой революции. Репрессирован. – *Ред.*) в своем типичном язвительном стиле писал: «Груп Советской республики предназначался в качестве приданого для брака по расчету между Германией и Антантой»<sup>9</sup>.

Как оказалось, западные державы приняли услуги Германии в поддержании порядка на Востоке; германским войскам (как регулярным, так и нерегулярным) было приказано оставаться в балтийских губерниях России до дальнейших распоряжений. Но этот пункт в условиях мирного договора не привел ни к какому милосердию в формулировке Версальского договора (подписан 28 июня 1919 года между побежденной Германией и воевавшими с ней 27 странами. – *Ред.*).

Удобная причина для разрыва была легко найдена. В конце октября 1918 года во время разгрузки упаковок с советской почтой на железнодорожном вокзале на Фридрихштрассе в Берлине несколько ящиков «случайно» уронили углами вниз, они развалились, и их содержимым оказались революционные брошюры на немецком языке<sup>10</sup>.

Поэтому Государственный секретарь по иностранным делам Вильгельм Зольф потребовал, чтобы советское правительство отозвало своего представителя. Это привело к взаимному разрыву всех дипломатических отношений.

Через несколько дней, 9 ноября 1918 года, пало правительство кайзера Вильгельма II (бежавшего в Голландию. – *Ред.*). Его место занял Совет народных депутатов, в котором независимый социалист Гуго Гаазе взял на себя ведение иностранных дел. Советское правительство, похоже, полагало, что новое германское правительство, целиком состоявшее из социал-демократов, отменит решение своих предшественников и восстановит дипломатические отношения, особенно поскольку Июффе все еще не покинул Берлин. Но советские власти просчитались. Напротив, Гаазе категорически настаивал на отзыве советского представителя, тем самым зафиксировав пропасть, отделяющую даже крайне левых независимых социал-демократов (6 представителей этой партии, включая Гаазе, вошло в Исполнительный комитет Берлинского Совета; кроме них там оказались 6 правых социал-демократов и 12 представителей солдатских Советов. – *Ред.*) от большевиков, а также определенное единство, связывавшее новый режим с тем, что только что рухнул.

И двенадцати часов не прошло с момента прихода вести о революции в Германии, как в Москве был сформирован Центральный революционный Совет немецких рабочих и солдат, пользовавшийся полной поддержкой Российской коммунистической партии, а также советских официальных властей. Его возглавили какие-то левые немецкие военнопленные, которые вступили в большевистское движение – некоторые по убеждению, а другие из оппортунистических соображений. Большинство членов Совета рабочих и солдатских депутатов в предыдущие месяцы проникли в многочисленные германские учреждения в Москве под видом конторских служащих, курьеров и т. п.<sup>11</sup>

Таким образом они ознакомились с некоторыми внутренними делами этих учреждений. Полученная от них информация позднее была использована советскими властями в пропагандистских целях. Руководство Советской России смогло обвинить германские учреждения в контрреволюционной деятельности и в проведении незаконных сделок. Вообще-то говоря, официальный германский персонал в Москве рассматривал большевистский режим как проходящее явление и считал своей задачей поддержку тех сил, что работали на крушение этого режима (но это в будущем, а в 1918 году большевики были Германии очень нужны. – *Ред.*). Эта

---

<sup>9</sup> *Radek K. Die auswärtige Politik Sowjet-Russlands / Bibliothek der Kommunistischen Internationale. Hamburg, 1921.*

<sup>10</sup> Советское правительство настойчиво заявляло, что германские власти сами подложили эти брошюры в ящики.

<sup>11</sup> Например, главнокомандующий Восточным театром военных действий, а также Верховное командование германской армии имели своих представителей в Москве. Их и ряд других германских учреждений обслуживало подразделение связи германской армии.

поддержка оказывалась не только в денежной форме, но и путем тайной переправки контрреволюционных лидеров и агентов в Германию с эшелонами военнопленных. Кроме того, бывшие российские дипломаты и другие члены старого высшего общества, бежавшие в Германию, обращались к своим старым друзьям в германском министерстве иностранных дел с просьбами оказать помощь своим родственникам, все еще остававшимся в России. У самого барона фон Мальцана просьб такого рода было по горло, и он всегда старался сделать все, что в его силах, не нанося вреда своей позиции и целям, которые он преследовал.

В результате члены германского генерального консульства, комиссий по оказанию помощи и других учреждений в Москве оказались в очень неудобном и затруднительном положении в течение десяти дней между 9 ноября и датой их отбытия из Москвы. Под руководством и при участии советских функционеров Совет рабочих и солдатских депутатов организовывал митинги для немецких военнопленных в Москве. На этих митингах произносились пламенные речи, а представителям «реакционной имперской Германии» было заявлено, что они еще ответят за их недружелюбное отношение к Советской республике. Ни одна из этих угроз не материализовалась. Возможно, это произошло благодаря факту, что советская миссия все еще находилась в Берлине, и правительство Советской России опасалось ответных мер со стороны немцев.

Хотя я никогда и не пытался скрыть свои антибольшевистские настроения, я тщательно воздерживался от каких-либо действий, несовместимых с моей должностью и моими обязанностями. Когда я потом вновь встретился с советскими властями и членами Совета германских рабочих и солдатских депутатов, этот факт значительно облегчил мои официальные отношения с ними.

19 ноября 1918 года германские официальные лица отбыли из Москвы. Примерно в то же время поезд, увозивший назад в Советскую Россию Иоффе и его многочисленный (но малоэффективный, состоявший в основном из выдвинутых революцией, а не специалистов. – *Ред.*) персонал, выехал из Берлина. Обмен миссиями должен был состояться на демаркационной линии, отделяющей территорию, оккупированную Германией, от остальной территории Советской республики. Тогда эта линия проходила через Оршу, в 119 километрах к западу от Смоленска на железной дороге из Москвы в Брест-Литовск. Советские власти предоставили для перевозки официальных германских лиц поезд с сиденьями с мягкой обивкой; для остального персонала и тех военнопленных, которые предпочли вернуться в разгромленную Германию, а не оставаться в большевистской России, были прицеплены товарные вагоны. Поскольку я не хотел отделяться от военнопленных, то вместе с некоторыми товарищами решил ехать в товарных вагонах. Это дало мне не только моральное удовлетворение, но также и весьма ощутимое преимущество в том, что товарные вагоны можно было обогреть, в то время как пассажирам в купе первого класса пришлось изрядно померзнуть.

Во время этой поездки я был до глубины души потрясен жалким видом десятков тысяч русских военнопленных, ехавших в противоположном направлении. После разрыва германо-советских отношений советские власти ликвидировали все средства для приема, приюта, выдачи пищи и перевозки возвращающихся военнопленных по свою сторону границы. Поэтому германская администрация по работе с военнопленными хорошо знала об отчаянной ситуации, в которую попадут русские военнопленные, как только окажутся на своей территории. Но в германских лагерях русские проявляли крайнее нетерпение, шумно требовали отправки домой и в беспомощном порыве негодования стали крушить лагеря, в которых так долго томились. Когда к тому же радикальные элементы среди них начали брататься с германскими левыми, германская администрация приняла решение выслать пленных. Их довели до Орши в запечатанных товарных вагонах, а затем выгрузили и оставили на попечение советских властей, которые были совершенно не готовы к такому наплыву. В Орше не было ни средств транспорта, ни пищи, ни крова. Поэтому пленные, несмотря на свое жалкое состояние, отпра-

вились пешком на восток. Из-за отсутствия топлива и поломок локомотивов наш поезд часто был вынужден останавливаться посреди ночи. Я до сих пор слышу шаркающий звук тысяч ног, идущих справа и слева от поезда. Многие из русских падали от голода, холода или истощения и оставались лежать рядом с рельсами. Я не осуждаю маленькую группу этих несчастных людей за то, что они пытались силой ворваться в наш товарный вагон. Когда им это не удалось, они решили поджечь вагон. В последнюю секунду, как будто чудом мы избежали опасности сгореть заживо, когда поезд вдруг вновь тронулся с места.

Когда наш поезд прибыл в Оршу, там нас уже ждал встречный поезд с советскими дипломатами. Однако советский посол отказался дать согласие на обмен, потому что не доставало двух багажных вагонов, принадлежавших Советам. Два дня ушло на переговоры, пока, в конце концов, не было решено, что два багажных вагона будут отцеплены от одного из германских поездов, которые будут удерживаться советскими властями в качестве залога до тех пор, пока не придут пропавшие вагоны. Вскоре после этого мимо меня медленно проследовал железнодорожный вагон; из среднего окна выглядывало бледное лицо, обрамленное черной бородой. Это был Иоффе – первый посол, которого Советская республика отправила в мир и который сейчас возвращался после того, как его миссия провалилась.

Наш эшелон прибыл в Берлин через шесть дней. Берлин, видимо, серьезно пострадал от последствий войны и революции. Но что произвело на меня наиболее тяжелое впечатление, так это вид автомашин, мчащихся по улицам с развевающимися красными флагами и сидящими в них вооруженными до зубов людьми в кожаных куртках. Они напомнили мне улицы Москвы в начале большевистской революции, и я увидел в них воплощение опасности того, что и в Германии события могут повернуть на тот же большевистский курс. Если это и не произошло (несмотря на ужасные признаки), то только потому, что надо отдать должное германским социал-демократам вроде Фридриха Эберта, Густава Носке, Филиппа Шейдемана и других, которым удалось не допустить превращения Германии в коммунистическую страну в годы, последовавшие за Первой мировой войной. (В случае победы революции в Германии именно Германия становилась центром мировой революции, а Россия – ее периферией и обслугой. Но Ленин и его сподвижники, несмотря на огромные усилия и средства, брошенные на это, результата не дождались. И уже Сталину пришлось заниматься тем, что осталось от России. – *Ред.*)

Среди проблем, в то время доминировавших внутри Германии, вопрос военнопленных играл существенную роль. Отказ западных союзников разрешить немецким военнопленным, находившимся у них в руках, вернуться домой после заключения перемирия породил заметные волнения среди широких слоев населения Германии. Народная лига в защиту германских военных и гражданских пленников, созданная в конце 1918 года, быстро превратилась в могучую организацию, которая не только стремилась взывать к всемирной совести, но и оказывала сильное давление на германское правительство с целью ускорить возвращение пленников.

Германское правительство хорошо представляло себе политические последствия проблемы военнопленных. Поэтому в первые дни января 1918 года оно создало центральное учреждение – Центральное управление рейха по военным и гражданским пленным (Рейхцентральштелле), напрямую подчинявшееся кабинету рейха и занимавшееся всеми проблемами, связанными с возвращением пленников из-за границы. Официальным главой Рейхцентральштелле был депутат рейхстага от социал-демократов Штюклен; однако дух и душу этой организации придал Мориц Шлезингер. Демократический социалист по убеждению, а потому противник коммунизма, он, однако, был нетипичным представителем социал-демократической партии благодаря своему острому ощущению политического кооперирования и крайней необходимости, а также необремененностью доктринерством (что сильно мешало многим его товарищам по партии). Он не прошел все ступени партийной профсоюзной бюрократии, а вступил в партию только после падения монархии.

Хотя мои личные мотивы труда на благо тесного германо-советского сотрудничества могли быть значительно более сентиментального характера, общий курс, за который мы обычно выступали вместе со Шлезингером, помогал росту личных уз между нами, которые впоследствии превратились в теплую дружбу. Когда на сцене в качестве посла появился граф Ульрих Брокдорф-Ранцау, он знал, какую роль играла команда Шлезингер–Хильгер, и поддерживал близкую связь с нами. Шлезингер часто приезжал в Москву, и со временем между нами троими, так резко несхожими по происхождению, подготовке и личному мировоззрению людьми, выработалось почти идеальное трехстороннее сотрудничество. В течение многих лет мы с Шлезингером часто и регулярно переписывались. Эта переписка стала важным источником для этой книги.

Ближайшей целью Шлезингера было восстановление контактов с Москвой в интересах германских военнопленных. В декабре 1918 года, еще до создания Рейхцентральштелле, ему удалось добиться отправить для этой цели в Москву депутата рейхстага от независимых социалистов д-ра Оскара Кона. Кон служил юрисконсультom при советском посольстве Адольфа Иоффе в Берлине, и Шлезингер надеялся, что тот сможет добраться до Москвы и вернуться в Берлин с советским полномочным представителем, который мог бы вести переговоры о судьбе германских пленных, все еще находившихся в России. Этот план потерпел полный провал. Когда советское правительство узнало о миссии Кона, оно сообщило по радио о телеграмме, в которой утверждалось, что Кону советскими властями были выданы крупные суммы денег с целью поддержки германских левых радикалов. Получив такую новость, генерал Гофман задержал его в Ковно (Каунас, Ковно с 1795 по 1915 год. – Ред.), и Кону пришлось вернуться в Берлин.

В январе 1919 года союзные державы взяли под свой полный контроль всех русских военнопленных, оставшихся в Германии, и прекратили немедленную отправку всех дальнейших эшелонов в Россию, оставив за собой право посылать русских пленных туда, куда сочтут это необходимым. Было очевидно намерение заставить этих русских пойти на службу для интервенции против большевистского режима. Признавая это, Шлезингер категорически возражал против идеи перевода пленных от одного хозяина к другому, как скот, даже не спрашивая их согласия. Кроме того, он опасался, что советские власти в таком случае отыграются на немецких пленных, которые все еще находятся в их руках и чье положение и так уже было неописуемым. Поэтому он решил расстроить эти планы союзников, увеличив, а не прекратив вывоз русских пленных из Германии, хорошо понимая, какие трудности ожидают их в России, и что этих пленных советское правительство тут же станет использовать на своей стороне в гражданской войне. Все это, считал он, и станет ценой, уплаченной для блага германских военнопленных в России.

Я стал работать в Рейхцентральштелле весной 1919 года. Моя основная обязанность состояла в контроле всех германских лагерей для военнопленных, в которых содержались русские пленные. Потом я помогал организовать систематическую реабилитацию немецкого персонала, возвращающегося из России, и его повторную интеграцию в германское общество.

Благодаря инициативе Шлезингера Рейхцентральштелле попросили в первой половине 1920 года вступить в переговоры с советским правительством в отношении дальнейшего обмена гражданских и военных пленных, все еще оставшихся в этих двух странах. Виктор Копп, назначенный представителем советского правительства на эти переговоры, приехал в Берлин весной, а соглашение было подписано в этом же городе 19 апреля 1920 года. Это соглашение предусматривало создание обоими правительствами агентств по оказанию помощи на территории другой стороны для управления лицами, специально предназначенными для этой работы. Менее чем три месяца спустя, 7 июля 1920 года, было подписано еще одно соглашение, которое даровало личный иммунитет обоим уполномоченным. Потом им были даны права поддерживать курьерскую связь со своими правительствами, пользоваться кодом и выполнять

консульские функции. При этом оба партнера проявили свое намерение оживить отношения между странами, разорванные в ноябре 1918 года. Обмен военнопленными в этом контексте представлял собой желанный предлог.

Со стороны советского правительства Виктор Копп был назначен руководителем организации по оказанию помощи гражданским и военным пленным (то есть военнопленным и гражданским интернированным лицам. – *Ред.*). Германское правительство назначило меня быть его коллегой в Москве. Таким образом, 7 июня 1920 года я вновь оправился в Россию. Следующие главы расскажут о периоде в двадцать один год, который я провел здесь впоследствии.

## Глава 2

### Работа по оказанию помощи и восстановлению

#### Эвакуация военнопленных

##### Моя поездка в Москву и роспуск Совета рабочих и солдат

В июне 1920 года Советская Россия была окружена вдоль своей западной границы кордоном государств, которые либо еще не урегулировали свои отношения с советским правительством, либо, как Польша, все еще были с ним в состоянии войны. Единственным исключением была Эстония, которая заключила мирный договор с РСФСР в феврале 1920 года. Ее примеру последовали Литва в июле, Латвия в августе и Финляндия в октябре 1920 года. Но для того чтобы добраться до Москвы из Германии в июне, мне пришлось плыть по Балтике и дальше ехать через Эстонию. Регулярное пароходное сообщение между балтийскими портами Германии и Эстонии еще не открылось. По этой причине мне пришлось воспользоваться услугами небольшого парохода, который Германское международное транспортное агентство (Зеетранспортглейтунг) арендовало у частной пароходной компании в Штеттине для перевозки домой в Германию военнопленных из России (а также интернированных гражданских лиц). Советские организации переправляли этих людей к советско-эстонской границе возле Ямбурга<sup>12</sup>; здесь их принимали германские представители Международного Красного Креста и доставляли в транзитный лагерь на эстонской стороне границы, в Нарве. Оттуда после короткого карантина бывшие пленные и интернированные возобновляли свой путь домой.

После непродолжительной остановки в Нарве я поехал в столицу молодой Эстонской Республики – Таллин (бывший Ревель). Оттуда дважды в неделю ходил официальный российский «почтовый вагон»; он являлся связующим звеном между советскими представителями в Таллине и правительственными учреждениями в Москве и представлял собой единственное реальное средство законно пересечь советскую границу.

В то время советское правительство было представлено в Эстонии неким Гуковским (Исидором Эммануиловичем. – Ред.), ранее работавшим в Москве народным комиссаром финансов (с марта по август 1918 года. – Ред.) и в этом качестве сделавшим все возможное для ускорения девальвации рубля (то есть разваливший всю работу, в августе 1918 года его сменил Николай Николаевич Крестинский. – Ред.). Советские власти тогда все еще придерживались якобы марксистского принципа, гласившего, что деньги в пролетарском государстве не обязательны и, будучи буржуазным институтом, скоро исчезнут вообще. Внешне Гуковский был типичным большевистским чиновником того времени. Стремясь подчеркнуть свои коммунистические убеждения через пролетарскую внешность, он принял меня в рубашке с короткими рукавами и без галстука, а на ногах – пара поношенных шлепанцев.

Предметом нашей беседы было два вопроса. Первый касался желания советского правительства получить из Германии значительное количество медикаментов, столь остро необходимых для России. Переговоры осложнились, когда германские поставщики затребовали предоплаты золотом. Я был тем человеком, которому надлежало информировать Гуковского об этом требовании; я сказал ему, что перевозка золота в морской порт – его обязанность. Оттуда золото можно будет доставить в Германию на одном из пароходов, занятых транспортировкой

---

<sup>12</sup> Позднее переименован в Кингисепп в честь эстонского коммуниста, расстрелянного своими соотечественниками.

военнопленных. Мои слова явились для Гуковского серьезным ударом. В сильном возбуждении он попытался убедить меня в невозможности перевозки требуемого количества золота в фургоне на лошадиной тяге (единственное имевшееся в его распоряжении транспортное средство) от железнодорожной станции до гавани через центр города. Таллин, заявлял Гуковский, кишит агентами Антанты, с подозрением следящими за каждым шагом советских представителей. Советский золотой транспорт в Германию вызовет массу слухов и еще более усложнит международное положение обеих стран. Чтобы подчеркнуть свой аргумент, Гуковский спросил меня, знаю ли я, сколько весит то количество золота, которое запрашивают немцы. С этими словами он сунул руку в полуоткрытый ящик своего стола и вытащил оттуда мешок, полный блестящих золотых монет. Он высыпал это золото передо мной и воскликнул: «Полпуда весом, и это – только 10 тысяч золотых рублей!»<sup>13</sup> И с презрительным жестом Гуковский вернул мешок на стол, пнул ящик и, похоже, счел вопрос закрытым. Тот факт, что стол грозил развалиться от старости, а ящики были без замков, видимо, его ни в коей мере не волновал<sup>14</sup>.

Второй вопрос, который я обсуждал с Гуковским, был связан с несколькими ящиками, содержащими в общей сложности 15 миллионов рублей, которые я вез с собой по распоряжению своего правительства. Эти деньги должны были покрыть расходы Советской организации по оказанию помощи военнопленным и гражданским интернированным лицам и затраты на их перевозку домой. Частично деньги были представлены банкнотами, напечатанными советским правительством после Октябрьской революции, частично – царскими банкнотами, а остальные так называемые керенки – деньги, напечатанные и пущенные в обращение Временным правительством, существовавшим до большевиков с марта по октябрь 1917 года. В то время царские деньги и керенки пользовались большим спросом среди тех слоев населения в Советской России, которые рассчитывали на скорое падение советской власти. Они ценились значительно выше, нежели официальные советские деньги. Царский рубль, стоивший примерно 10 советских рублей при моем приезде в Москву, к марту 1921 года вырос в восемь раз, но потом рухнул до нуля после подавления Кронштадтского восстания и введения новой экономической политики (НЭПа). К счастью, это произошло в тот самый момент, когда наши резервы в царских рублях исчерпались, так что Агентство по оказанию помощи от девальвации царского рубля не понесло тяжелых потерь.

Опытные мастера в Берлине сконструировали специальные ящики-контейнеры для перевозки денег. У этих контейнеров была специальная свинцовая обивка, внутренний уплотняющий слой и крепкие замки. Виктор Копп, советский представитель в Берлине, обеспечил меня необходимыми документами для провоза 15 миллионов рублей через советскую границу и таможеню. Однако, чтобы обезопасить себя лишним раз, я спросил Гуковского, не может ли он выдать мне какой-нибудь дополнительный документ, чтобы исключить всякие проблемы на границе. Его реакция на мою просьбу была типична для поведения большевиков в то время в отношении всякого рода денег. Вначале Гуковский выдвинул предложение, чтобы я оставил все ящики с бумажными деньгами у него. В обмен на это он предлагал мне чек в Государственном банке в Москве. Намерения Гуковского были совершенно очевидными, поскольку царские деньги пользовались большим спросом и здесь, в Эстонии. Поэтому я отклонил его «щедрое» предложение, заявив, что мое правительство приказало мне доставить деньги в Москву в таком виде, в каком я их получил. Заметно раздраженный Гуковский захотел найти выход своему разочарованию. «Не понимаю, чего ради вы поднимаете такой шум с этими деньгами! – заявил

---

<sup>13</sup> 1 пуд = 16,380 496 кг; 10 000 золотых рублей – 7,74 кг чистого золота (здесь, видимо, 1000 золотых десятирублевых монет чеканки 1897–1914 годов, по 7,74 г золота в каждой. – *Ред.*).

<sup>14</sup> Вскоре после моего разговора с Гуковским деловые круги в Германии, желая возобновить торговые отношения с Россией, создали Исследовательскую ассоциацию по возобновлению торговли с Востоком. Обеспокоенная серьезной опасностью опустошительной эпидемии, эта ассоциация объявила о своей готовности самостоятельно перевозить лекарства и медикаменты в Россию морем и по воздуху.

он. – Смотрите, что мы делаем с ними здесь!» С этими словами он подвел меня к огромному старому деревянному сундуку, стоявшему в соседней комнате; это был сундук наподобие тех, в которых старые русские крестьянки хранят свои вещи. Гуковский толкнул полуоткрытую крышку, сундук открылся, и я увидел груды советских банкнотов, лежащих в самом жутком беспорядке, которые к тому же, очевидно, никто не считал; да и над их использованием не было никакого контроля. Я не смог скрыть своего изумления, но Гуковский широким жестом указал на сундук, воскликнув: «Ну и как вам это нравится? В конце концов, вся эта дрянь не заслуживает иного обращения!»

На следующий день я уехал в Москву. Моими попутчиками были какой-то чиновник из советского дипломатического представительства в Эстонии и русский левый социалист Аксельрод, которого выслали в Германию и который сейчас возвращался в родную страну после многих лет изгнания. Вероятно, при возвращении в большевистскую Россию он испытывал противоречивые чувства, особенно после того, как большевистский пограничный контроль уделил излишнее внимание его багажу, который был набит продуктами капиталистического мира. Советским дипломатом, следовавшим в Москву, был Давтян – человек элегантно-внешности, с тонко очерченным лицом и изысканными европейскими манерами (кстати, сын простого армянского крестьянина. – *Ред.*), полностью отличными от тех, которые продемонстрировал мне вчера его начальник. Было трудно поверить, что этот культурный господин принадлежит учреждению, чье название так тесно связано со всеми ужасами красного террора<sup>15</sup>.

В Ямбурге, первой станции на советской стороне границы, охранник почтового вагона объявил, что меня хочет видеть некий господин по имени Сергей Кусевицкий. Я раньше встречал Кусевицкого в Москве, где он стал знаменитым вначале как виолончелист, а потом как дирижер. Его жена происходила из семьи коммерсантов (одной из самых богатых и известных в России); благодаря супруге Кусевицкий был связан с высшими слоями московского общества. На гостеприимной вилле его тестя на берегу Женевского озера в 1912 году мы с женой провели медовый месяц. Как выяснилось, Сергей Кусевицкий и его жена были задержаны на советско-эстонской границе, потому что ЧК в Ямбурге признала недействительными разрешения на выезд, которые они получили в Москве. Ни я, ни Давтян не смогли уговорить власти проявить снисходительность. Волей-неволей Кусевицким пришлось опять возвращаться в Москву, что в то время было чрезвычайно трудным и утомительным путешествием. Там после нескольких попыток я наконец сумел помочь им получить документы, с которыми они навсегда покинули Советскую Россию. Я испытал огромное удовлетворение оттого, что оказался в состоянии помочь им (на первые дни, которые им предстояло прожить в Эстонии) несколькими сотнями эстонских крон, которые у меня оставались.

По пути в Москву я вновь увидел Петроград, но уже впервые после большевистской революции. Этот пышный, величественный город, построенный царем, использовавшим самые жестокие и спорные средства для творения великих дел для своей страны, сейчас представлял собой унылое зрелище. На лицах жителей лежала печать голода, нищеты и отчаяния вне зависимости, были ли они жалкими остатками классов, лишенных собственности, или представителями победоносного пролетариата. У всех была одна мысль: добыть корку хлеба. Продукты, раздававшиеся по карточкам, означали явную голодную смерть. Все магазины были закрыты, не работали никакие общественные средства транспорта, а значительная часть знаменитых когда-то деревянных тротуаров исчезла: народ использовал дерево как топливо для печек.

В Петрограде находилось отделение Московской организации Совета немецких рабочих и солдат. Отделение обосновалось во дворце на реке Мойке, который до революции был соб-

---

<sup>15</sup> В течение последующих семнадцати лет Давтян занимал ряд высоких и ответственных постов в Советском Союзе. В конце концов он был назначен послом в Варшаве, откуда его отозвали в Москву. Он исчез во время великих репрессий в середине 30-х. (Яков Давтян, один из создателей и руководителей внешней разведки, по совместительству дипломат, был расстрелян 28 июля 1938 года. – *Ред.*)

ственностью человека, носившего одно из наиболее известных в России дворянских имен. Сам дом и его внутреннее убранство со своей несколько потрепанной роскошью являлись напоминанием о днях, изображенных Львом Толстым для потомков в его бессмертном романе «Война и мир». Выдержанный в определенном стиле танцевальный зал, казалось, символизировал век, в котором очень тонкий слой российского населения пользовался наивысшими продуктами духовной культуры и социальных благ за счет многочисленных крестьянских масс. Сейчас зал был увешан красными знаменами с лозунгами, требующими единства пролетариев всех стран и уничтожения буржуазии. Они выражали непримиримый антагонизм между старым и новым социальными порядками. Вновь я осознал трудность достижения компромисса, которого намеревался достичь во имя жизней человеческих существ, доверенных моему попечению.

## Проблема Совета рабочих и солдат

Положение, которое занимал Совет немецких рабочих и солдат в Москве и его губернских отделениях, зависело от поддержки, оказываемой ему советским правительством и коммунистической партией. Когда в 1918 году германские учреждения покинули Москву, Совет забрал себе всю их собственность, состоявшую из зданий, автомашин, продовольственных складов и так далее, а позже ему было разрешено оставить у себя большую часть этой собственности. С этого времени основная задача Совета состояла в коммунистической пропагандистской обработке германских военнопленных с целью превращения их в авангард мировой революции в Германии. Для этого Совет рабочих и солдат продолжал содержать и использовать дома для военнопленных, созданные нами в 1918 году, и в своей манере посвятил себя духовной и материальной заботе о пленных, которые проходили через эти дома на пути в Германию.

Во время совещаний в Берлине до моего отъезда министерство иностранных дел четко выразило надежду, что я смогу, «конечно», немедленно по приезде в Москву распустить Совет рабочих и солдат. Кроме того, там считали (как само собой разумеющееся), что я позабочусь о том, чтобы прекратить всякую дальнейшую коммунистическую пропаганду среди германских военнопленных. Однако я отказался признать эти инструкции обязательными для себя, поскольку знал, что такие действия немедленно создадут острую конфликтную ситуацию между мной и советскими властями и Советом немецких рабочих и солдат. И с самого начала моя деятельность станет невозможной. Я старался объяснить министерству иностранных дел, что мы не можем себе позволить такое поведение, потому что Совет держит в своих руках все материальные средства, необходимые для попечения за пленными. Кроме того, возражал я, советское правительство политически никак не может отказаться от Совета рабочих и солдат ради Германии. Наконец мне удалось убедить МИД, что после своего приезда в Москву у меня поначалу не будет иного выхода, как соблюдать модус вивенди (временное соглашение. – *лат.*) с Советом и использовать его аппарат для целей отправки пленными домой. Соглашение было достигнуто, и мне была выдана доверенность Рейхцентральштелле, в которой был такой параграф: «Господину Хильгеру разрешается сотрудничать с германской организацией, все еще находящейся в Москве, которая до сего времени занималась опекой и эвакуацией пленными; он в дальнейшем может использовать свое собственное, исполненное сознания долга разумение в создании пригодных вспомогательных учреждений в других частях России либо в разрешении существующим германским организациям продолжать свою деятельность в качестве таковых вспомогательных учреждений и отдачи им конкретных распоряжений».

Этот документ по сей день при мне. Он скрывает зловещее название Совет рабочих и солдат под безобидным обозначением «германская организация, все еще находящаяся в Москве». Но смысл и цель этого соглашения данное иносказание не затронуло, принимая во внимание тот факт, что я был застрахован от опасности возможных злонамеренных атак в будущем; более того, я был в состоянии использовать не только Совет рабочих и солдат в Москве, но и его

отделения в губерниях ради тех задач, которые были предусмотрены договором об обмене военнопленными.

Сразу же после моего прибытия в Москву стало очевидно, как был я прав, предсказывая министерству иностранных дел позицию советского правительства в отношении Совета рабочих и солдат. В ночь после приезда я посетил Чичерина, чтобы представиться в своем новом качестве, и вручил ему сопроводительное письмо от министра иностранных дел Германии. Чичерин, вероятно предполагая, что я прежде всего попрошу о роспуске Совета немецких рабочих и солдат, захватил инициативу в свои руки. Выразив свое удовлетворение тем, что Германия решила после почти двухлетнего перерыва возобновить отношения с Советской Россией, он заявил, что эти отношения могут быть плодотворными только в случае, если Германия примет во внимание особенный характер советского режима. Говоря это, он продолжал в свойственной ему вычурной манере речи, что имеет в виду существование некоего Совета немецких рабочих и солдат в Москве. Надо признать, существование такой организации необычно, если учесть одновременное присутствие официального представителя упомянутой страны. Тем не менее, заключил он, он считает себя обязанным заявить, что я создам очень трудную ситуацию, если потребую роспуска этого Совета рабочих и солдат. Действительно, такое требование нанесло бы серьезный вред всей цели моего попечительства над пленными. По политическим причинам об удовлетворении такой просьбы его правительством не может быть и речи; советское правительство откажет в этом даже перед лицом опасности того, что такой отказ может вновь навредить отношениям с Германией.

Чичерин почувствовал заметное облегчение, когда я ответил, что в мои намерения не входит требовать от советского правительства роспуска германской организации в Москве. Напротив, я сказал ему, что уже достиг с нею модус вивенди.

Ситуация, которая встретила меня в Москве, была как раз такой, как я и ожидал. Представители Совета рабочих и солдат ожидали меня на железнодорожном вокзале. Внешне вежливые и корректные по форме, они тем не менее дали мне ясно понять, что у них вовсе нет намерений позволить мне вытеснить их из общей картины, даже если бы они и пожелали полностью сотрудничать со мной. Не было сомнений, что их поведение отвечало приказам, отданным советскими властями; подобные директивы, должно быть, лежали в основе поведения Чичерина.

Во время моего приезда в Москву Совет рабочих и солдат возглавляли четыре человека. Председателем являлся бывший литейщик из Гамбурга. Из четверых лишь он один вступил в коммунистическое движение из внутренних убеждений. Поэтому именно его я решил как можно быстрее удалить из Москвы. К счастью, он был достаточно умен, чтобы понять, что после приезда официального германского представителя в Москву дни Совета рабочих и солдат сочтены (если говорить о долгосрочной перспективе). Чтобы подсластить пилюлю, я назначил его руководителем отделения Агентства по оказанию помощи в Петрограде; он согласился и уехал в этот город. Я полагал, что смогу позволить ему произносить пламенные революционные речи перед германскими пленными, проезжающими через Петроград, учитывая выгоду, которую я получал, избавляясь от его присутствия в Москве.

Другие трое, мелкобуржуазного происхождения, были вовлечены в коммунизм из низменных побуждений и карьерных соображений – мотивов, которые я намеревался использовать. Один из них в Германии был незначительным конторщиком; энергия в работе этого деятеля соответствовала его жажде признания и повышения социального статуса. Я назначил его руководителем отдела эвакуации Агентства по оказанию помощи, так что теперь он занимался той работой, которую делал я сам в 1918 году. Другого человека я отправил в поездку по губерниям. Третий прежде был социал-демократом, занимавшимся профсоюзной работой. Его я назначил руководить экономическим отделом, где он мог дать волю своим организаторским способностям.

Это был странный переходный период, во время которого две организации не только мирно сосуществовали бок о бок, но и делили одни и те же помещения и были практически слиты организационно. Табличка, прибитая над входной дверью нашей конторы, говорила о присутствии здесь официального германского учреждения; но рядом с ней висел красный щит Совета. Двоевластие, характеризовавшее первые месяцы революции, повторилось в миниатюре и здесь. Но двоевластие 1917 года, в котором социалистический Петроградский Совет временно делил власть с буржуазным Временным правительством, закончилось правлением Совета, к настоящему времени полностью большевизированного. Теперь, в 1920 году, все произошло по-другому: буржуазное учреждение, официально представлявшее германское правительство, сумело, по крайней мере, удалить следы коммунистического сотрудничества, особенно после того, как были предприняты дальнейшие шаги по урегулированию и нормализации германо-советских отношений. Однажды ночью мы спокойно и беспрепятственно удалили красный знак Совета рабочих и солдат с двери нашей конторы, что символически свидетельствовало то, что двоевластие в Германском агентстве по оказанию помощи пришел конец. Московская «Роте фане», официальная коммунистическая газета на немецком языке, в феврале 1921 года спокойно сообщила о роспуске Совета рабочих и солдат, причем не без похвалы в адрес «мудрой сдержанности и такта», которые я проявил в решении этой проблемы.

### **Нансен, Эйдук и Раковский**

Из всех советских правительственных учреждений, с которыми мы имели официальные связи в своей работе по оказанию помощи, самым важным являлось Центральное бюро по эвакуации, которому была поручена деятельность по депортации всех германских пленных. Центрэвак, как его именовали кратко, возглавлял коммунист-латыш Александр Владимирович Эйдук, который ранее был крупной фигурой в ЧК и у которого на совести было бесчисленное множество человеческих жизней. (Даже среди чекистов выделялся своим садизмом. Расстрелян в 1938 году. – *Ред.*)

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.